

Говард Филлипс Лавкрафт

Таинственный дом в туманном поднебесье

(The Strange High House in the Mist)

Каждое утро на скалистый берег в Кингспорте выплывает из моря туман. Белый, пушистый, он поднимается из глубины, грезя о сырых пастбищах и пещерах Левиафана, к своим братьям-облакам. А потом в тихих летних дождях, падающих на крутые крыши, под которыми живут поэты, облака проговариваются об этих грезах, потому что людям худо жить без преданий о тайнах и чудесах, которыми по ночам обмениваются звезды. Когда сказкам становится тесно в гротах тритонов и раковины в приморских городах вспоминают давно забытые напевы, тогда собираются на небесах нетерпеливые туманы, и если подняться на скалу и посмотреть на море, то видна лишь одна таинственная белизна, словно скала стоит на краю земли, и тогда торжественные колокола бакенов начинают всюду звонить в волшебном эфире.

В северной части старого Кингспорта скалы причудливо вздымаются ввысь, оставляя позади одну террасу за другой, пока самый северный уступ не повисает в небе, подобно серому застывшему облаку. В безграничном пространстве он – одинокое блеклое пятно, потому что берег крут там, где впадает в море, издавек неся свои воды и минуя Аркхем, великий Мискатоник, переполненный легендами лесов и не забывший еще о горах Новой Англии. Жители Кингспорта глядят на уступ, как жители в других местах глядят на Полярную звезду, и сверяют часы по тому, когда он прячет или открывает Большую Медведицу, Кассиопею и Дракона. Среди них есть еще одна звезда, правда есть, но ее тоже не видно, когда туман прячет звезды и солнце.

К некоторым скалам жители приморья питают особую нежность, как, например, к той, которую за утрированный силуэт называют Батюшкой Нептуном, или к той, которую за то, что она похожа на лестницу с колоннами, называют Дорогой, но ее они боятся, потому что она поднялась слишком высоко в небо. Португальские моряки, когда заходят в порт, осеняют себя крестом, едва завидя ее, а старые янки верят, будто лезть на нее страшнее смерти, даже если кому-то такое под силу. Тем не менее на этой скале стоит древний домишко, и полуночники могут видеть свет в его окошках.

Этот домишко там с незапамятных времен, и говорят, будто живет в нем тот, кто разговаривает с поднимающимися из глубины утренними туманами, и, возможно, он видит в океане то, что никто не видит, когда скала становится краем земли и торжественные бакены всюду звонят в белом волшебном поднебесье. Так говорят люди, которые никогда не поднимаются на запретную скалу и даже не любят наводить на нее телескопы. Летние визитеры старательно обследовали ее с помощью своих всевидящих биноклей, но рассмотрели лишь старую серую крышу, островерхую и крытую дранкой, спускающуюся чуть ли не до серого фундамента, да загорающийся в сумерках мутный желтый свет в окошках под нею. Эти летние визитеры не верят, что один и тот же Некто уже много столетий живет в древнем домишке, однако коренные жители Кингспорта не обращают внимания на их ереси. Даже Страшный Старик, который разговаривает с серыми маятниками в бутылках, золотыми испанскими монетами столетней давности

расплачивается за овощи в лавке и держит каменных идолов во дворе своего допотопного домишка на Водной улице, и тот говорит, что ничего не изменилось с того времени, когда его дед был мальчишкой, или с тех более давних времен, когда губернатором королевской провинции Массачусетс были Белчер, Ширли, Паунелл или Бернард.

В одно прекрасное лето в Кингспорт приехал философ. Звали его Томас Олни, и учил он всяким скучным вещам в колледже в Наррангассетт-Бей. Приехал он в Кингспорт с толстой женой и шкодливыми отпрысками, и в глазах у него была тоска, ибо он много лет видел одно и то же и думал одно и то же.

Он поглядел на диадему из туманов на голове Батюшки Нептуна и отправился по гигантским ступеням Дороги в таинственный белый мир. День за днем он лежал на скалах и с края земли вглядывался в загадочное поднебесье, вслушиваясь в призрачные колокола и отчаянные крики, по-видимому чаек. Потом, когда туман уходил ввысь и показывалось скучное море с дымом пароходов, он вздыхал и спускался в город, где ему нравилось бродить по узким крутым улочкам и изучать безумную пляску покосившихся крыш и ни на что не похожие двери, за которыми прожило жизнь не одно поколение крепких морских людей. Он даже познакомился с не любившим приезжих Страшным Стариком и был приглашен в его пугающе ветхий дом, низкие потолки и изъеденные жучками перекрытия которого эхом откликались на бурные монологи в темные полночные часы.

Естественно, Олни не мог не обратить внимания на серый одинокий дом, в который никто не входил и из которого никто не выходил, на вершине мрачной северной скалы, где не было ничего, кроме туманов и неба. Скала испокон века нависала над Кингспортом, и не было времени, когда о ее тайнах не шептались в кривых улочках Кингспорта. Сиплым голосом Страшный Старик рассказал Олни историю, которую когда-то ему рассказал отец, о молнии, однажды ночью вылетевшей из дома на скале и взмывшей в облака поднебесья, а бабушка Орна, чей домишко на Корабельной улице весь покрыт мхом и плющом, прокаркала ему, что ее бабушка слыхала от кого-то, будто из восточных туманов не то живые существа, не то тени ныряют в единственную узкую дверь недоступного жилища, ибо дверь расположена на ближней к океану стороне и видна лишь тем, кто вышел на корабле в открытое море.

В конце концов жадный ко всему новому и непонятному и не удерживаемый ни страхом коренных кингспортцев, ни ленью летних визитеров, Олни принял ужасное решение. Несмотря на консервативное воспитание, а может быть, благодаря ему, ибо от скучной жизни люди начинают тосковать и мечтать о необыкновенном, Олни поклялся страшной клятвой взойти на одинокую северную скалу и побывать в необыкновенно старом сером домишке, вознесшемся в небеса. Вполне возможно, его здравый смысл подсказывал ему, что дом должен быть обитаем, а если так, то люди, которые в нем живут, наверняка поднимаются вверх более легкой дорогой, которая должна идти вдоль реки Мискатоник. Не исключено, что они работают в Аркхеме, потому что знают, как не любят их обиталище в Кингспорте, или потому что не имеют возможности спуститься вниз с этой стороны. Олни начал свой поход с менее высоких скал, имея целью великана, нагло взмывшего вверх из желания поспорить с небесами и совершенно

уверенного, что ни одному человеку не одолеть нависший над городом южный склон. С востока и севера скала на тысячи футов поднималась над морем отвесной стеной, так что оставался только западный склон со стороны Аркхема.

Ранним августовским утром Олни вышел из дома с целью отыскать дорогу на неприступную вершину и двинулся на северо-запад по живописной тропинке мимо Хуперова пруда и старой мельницы и дальше наверх к пастбищам над Мискатоником, с которых открывался чарующий вид на другой берег реки, где Аркхем притягивал взгляд своими белыми колокольнями в георгианском стиле. Здесь Олни нашел давно заброшенную дорогу в Аркхем, однако хоть какую-нибудь дорогу на побережье, как ни искал, отыскать не смог. Леса и луга покрывали высокие берега в устье реки, и ничто не говорило о присутствии человека, не видно было ни одного каменного дома, ни одной заблудившейся коровы – лишь высокая трава повсюду, да гигантские деревья, да заросли эрики, которые наверняка видел и первый пришедший сюда индеец. Медленно поднимаясь вверх с восточной стороны и оставляя слева устье реки на своем пути к морю, Олни замечал, что шагать становилось все труднее, пока не задумался о том, как жители этого малопривлекательного места общаются с внешним миром и часто ли позволяют себе выбираться на рынок в Аркхем.

Потом деревья расступились, и далеко внизу с правой стороны Олни увидел древние крыши и шпили Кингспорта. Даже Центральный холм казался с такой высоты карликом, и Олни разглядел лишь старое кладбище возле церковной больницы, под которым, по слухам, скрывались какие-то страшные пещеры или норы. Перед ним была лишь нетронутая трава и видимо-невидимо черники, а еще дальше – голый камень и узкий выступ со страшным серым обиталищем. Чем выше он поднимался, тем уже становилась скала и тем головокружительно было его одиночество в поднебесье. На южной стороне далеко внизу лежал Кингспорт, на северной – на дне крутого обрыва, примерно в миле, было устье реки. Внезапно перед Олни разверзлась пропасть футов в десять, так что ему пришлось сначала повиснуть на руках, потом прыгать вниз, а потом карабкаться наверх, цепляясь за каждый мало-мальски подходящий выступ. Вот, значит, как путешествуют между небом и землей обитатели дома, наводящего на всех ужас!

Когда Олни выбрался из расщелины, предутренний туман уже сгущался, однако он еще ясно видел в вышине негостеприимный дом с серыми, под стать скале, стенами и сам утес, дерзко выставивший себя на фоне молочно-белых морских испарений. Тут он заметил, что с его стороны в доме нет двери, а есть только пара круглых решетчатых окошек с грязноватыми стеклами по моде семнадцатого века.

И больше ничего, кроме неба и белых облаков, закрывших от Олни землю. Он остался наедине со странным, непонятным домом. Опасливо обойдя его кругом, Олни обнаружил, что передняя стена дома находится на самой кромке скалы, так что до единственной узкой двери добраться можно только по воздуху, и тут его охватил страх, который никак нельзя было объяснить высотой. Поразило его то, что совершенно изъеденное червями дерево не рассыпалось в прах, а ни на что не похожие кирпичи сохраняли положенную для трубы форму.

Прижимаясь к стене, Олни подошел в густеющем тумане сначала к окнам на северной стороне, потом на западной и наконец на южной, но все они оказались запертыми. Однако он даже обрадовался этому, потому что чем дальше он смотрел на дом, тем меньше ему хотелось попасть внутрь. Вдруг его остановил какой-то шум. Он услышал, как кто-то прогрохотал замком и проскрежетал засовом, а потом заскрипела, словно ее открывали медленно и с опаской, дверь. Все это происходило на стороне, обращенной к морю, которую Олни не мог видеть и на которой единственная узкая дверь выходила в туманное поднебесье на высоте нескольких тысяч футов над морем.

Потом раздались тяжелые шаги в доме, и Олни услышал, как открываются окна сначала на северной – противоположной от него – стороне, а после на западной, за углом. Следующей должна была наступить очередь окон с южной стороны, где он стоял под низко нависшей крышей, и, нужно сказать, ему стало не по себе при мысли о страшном доме с одной стороны и туманном просторе – с другой. Когда шаги приблизились, он скользнул за угол на западную сторону и прижался к стене возле уже открытых окон.

Олни понял, что возвратился хозяин дома, однако он никак не мог явиться со стороны суши, но и воздушного корабля или воздушного шара тоже нигде не было видно. Вновь слышались шаги, и Олни метнулся на северную сторону, но не успел найти для себя убежище, как его тихо окликнули, и он понял, что должен предстать перед хозяином дома.

Из окошка на западной стороне высунулась голова с черной бородой и глазами, в которых запечатлелись и сверкали невиданные картины мира. Однако голос был ласковый и звучал не по-сегодняшнему, так что Олни даже не вздрогнул, когда коричневая рука потянулась ему на помощь. Он перелез через подоконник и оказался в комнате с низким потолком, обитыми черными дубовыми панелями стенами и резной мебелью времен Тюдоров. На мужчине были старинные одежды, и весь он был как будто в сиянии, сотканном из морских сказок и грез высоких галеонов. Потом Олни много чего не мог припомнить из поведанных ему чудес, да и о самом хозяине дома он ничего не узнал, но говорил, будто бы он ни на кого не похож и добрый, а еще будто бы он переполнен волшебством бесконечного времени и безграничного пространства. Маленькая комната казалась зеленой в сумеречном свете, и еще Олни заметил, что окна на восточной стене не только не были открыты, а даже, наоборот, были заперты, и толстые мутные стекла, похожие на донышки старых бутылок, не пускали внутрь туманный воздух.

Бородатый хозяин хоть и казался с виду молодым, но его глаза светились печалью многих давних тайн, а его рассказы о великолепной старине подтверждали, что местные жители, едва они здесь появились и обратили внимание на странный дом в вышине, были правы, когда думали, будто он накоротке с морскими туманами и небесными облаками. День шел своим чередом, а Олни все внимал рассказам о прежних временах и дальних странах. Он узнал, как короли Атлантиды сражались с осклизлыми тварями, выползавшими из щелей в морском дне, и как одиноким кораблям является ночью весь покрытый водорослями дворец Посейдона с колоннами, увидав который моряки смиряются с неизбежным. Они вспомнили о времени Титанов, однако хозяин несколько

оробел, едва заговорил о смутном первоначальном хаосе еще до рождения богов, даже Старших богов, когда *другие боги* приходили плясать на утес Хатег-Кла в каменной пустыне близ Ултара, что за рекой Скай.

И в эту минуту раздался стук в дверь, в ту самую утыканную гвоздями старинную дубовую дверь, за которой не было ничего, кроме белого тумана. Олни от страха вскочил, но бородатый хозяин махнул ему рукой, приказывая сидеть тихо, а сам на цыпочках подкрался к двери и поглядел в крохотную дырочку. То, что он увидел, ему не понравилось, и, прижав палец к губам, он все так же на цыпочках отправился закрывать и запирает окна, прежде чем воротиться и вновь сесть на старинную скамью рядом с гостем. Олни заметил, как во всех окнах по очереди промелькнула черная тень, словно незваный визитер проверял перед уходом, нет ли где щели, и обрадовался, что хозяин не отозвался на стук. В беспредельном пространстве водятся разные существа, и искатель грёз должен быть осторожен, чтобы не потрвожить, себе на беду, недобрые силы.

В это время начали собираться тени: первыми появились маленькие пугливые – под столом, за ними в темных углах – те, что похрабрее. Бородатый хозяин, сделав нескольких загадочных молитвенных жестов, зажег свечи в причудливо изогнутых медных подсвечниках. То и дело он поглядывал на дверь, словно ждал кого-то, и в конце концов был вознагражден легким стуком, по-видимому сказавшим ему нечто очень старым и тайным кодом. На сей раз он даже не стал смотреть в дырку, а сразу снял засов и распахнул тяжелую дубовую дверь навстречу звездам и туману.

В комнату под звуки непонятной мелодии вплыли мечты и воспоминания утонувших богатырей земли. Золотые языки пламени сверкали в их кудрях-водорослях, и Олни не мог скрыть своего удивления, когда приветствовал их. Здесь же был Нептун с трезубцем в окружении юрких тритонов и фантастических nereид, а на спинах дельфинов в большой зубчатой раковине явился седой и страшный Ноденс – властелин великой бездны. Тритоны в своих раковинах издали непонятные звуки, и nereиды ударили в раковины неведомых существ, обитающих в черных морских пещерах, после чего седой Ноденс протянул высохшую руку и пригласил Олни и его хозяина в просторную раковину, где тотчас ракушки и гонги заиграли громкую приветственную музыку. Чудесная повозка умчалась вон из дома на беспредельный простор, но шум, поднятый ею, потерялся в раскатах грома.

В Кингспорте всю ночь не сводили глаз с высокой скалы, которую почти не было видно из-за бури и туманов, а когда ближе к рассвету потемнели мутные окошки, люди зашептались о кошмарах и несчастьях. Дети Олни и его толстая жена молились доброму и правильному баптистскому богу в надежде, что путешественник сумеет одолжить у кого-нибудь зонтик и галоши, если дождь утром не прекратится.

Потом выплыла из моря мокрая заря в венке из туманов, и бакены торжественно загудели в белом просторе. А в полдень протрубил над морем волшебный рог, когда совсем не промокший Олни начал легко спускаться со скалы по направлению к старому Кингспорту и в глазах у него сверкали видения дальних стран. Он не мог вспомнить, о чем грезил в хижине посреди неба, принадлежащей безымянному отшельнику, и не знал, как спустился со скалы, недоступной другим путешественникам. Да и говорить о

своем пребывании наверху он мог разве лишь со Страшным Стариком, который потом долго и удивленно бурчал что-то в длинную седую бороду, клянясь всеми богами подряд, что человек, сошедший со скалы, не совсем тот самый, что на нее поднялся, мол, то ли под островерхой крышей дома, то ли среди немыслимых просторов зловещего белого тумана осталась тихо пребывать потерянная душа того, кто был Томасом Олни.

С тех пор прошло еще много тоскливых лет, когда, одолеваемый скукой и усталостью, философ работал, ел, спал и исправно, не жалуясь, исполнял свой долг. Больше он не стремился к волшебным далеким горам и не вздыхал о тайнах, которые, как зеленые рифы, выглядывают из бездонного моря. Он не печалился оттого, что дни похожи один на другой, а послушные его воле мысли вытеснили фантастические видения. Его добрая жена стала еще толще, дети выросли, поскучнели и стали подавать большие надежды, а сам он не упускает случая правильно и горделиво улыбнуться, когда того требуют обстоятельства. В глазах Олни не светится беспокойный огонек, и если ему случается услышать торжественные колокола или волшебный рог, то такое случается лишь ночью, когда оживают старые мечты. Он больше ни разу не приезжал в Кингспорт, потому что его жене и детям не понравились старые смешные дома, а еще больше не понравилась вода. Олни купил щеголеватый дом в Бристольских горах, где нет скал и в соседях у него цивилизованные горожане.

А в Кингспорте не стихают разговоры, и даже Страшный Старик теперь вынужден признать то, о чем ему не рассказывал его дедушка. Ибо теперь, когда неистовый ветер летит с севера мимо старого дома, который неотделим от неба и тумана, уже и в помине нет той тяжелой зловещей тишины, которая была проклятием тружеников моря. Старики рассказывают о приятных напевах и веселом смехе, звенящем недостижимой для земли радостью, и об окошках, что светятся по ночам куда ярче, чем прежде. Еще они рассказывают о том, что лютая северная Аврора теперь стала являться чаще и она сверкает голубыми видениями застывших миров, в то время как скала и дом чернеют на фоне ее безудержных блистаний. Туманы по утрам тоже стали гуще, и моряки не всегда в силах отличить звон бакенов от других морских звонов.

Но хуже всего то, что страх покидает сердца кингспортских юношей, которые уже не боятся слушать по ночам завывания далекого северного ветра. Они заявляют, будто нет ничего страшного в доме на скале, ибо в новых голосах бьется радость и эхо доносит до них иногда смех и музыку. Не зная, какими сказками населяют туманы свой любимый северный дом, они страстно мечтают хотя бы краем глаза взглянуть на чудеса, которые стучатся в распаивающуюся перед ними дверь, когда все вокруг укрыто особенно непроницаемой пеленой. Вот и боятся старики, как бы когда-нибудь они и впрямь не забрались один за другим на неприступную скалу и не узнали вековые тайны, хранящиеся под островерхой, покрытой дранкой крышей, которая неотделима от скал, и от звезд, и от древних страхов Кингспорта. В том, что отважные юноши вернутся, старики не сомневаются, но им страшно, как бы свет не ушел из их глаз и воля не покинула их сердца, ведь они не желают своему старому Кингспорту с его верткими улочками и старинными крышами сонно тащиться сквозь годы, когда, голос к голосу, громче и неистовее становится смеющийся хор в непонятном и страшном пристанище, где туманы и грезы туманов делают передышку на пути от моря к небу.

Они не желают, чтобы души кингспортских юношей забывали милый домашний очаг и старые таверны с островерхими крышами, а смех и песни в поднебесном доме становились громче. Каждый новый голос приносит с собой свежий туман из моря и огонь с севера, поэтому, как они говорят, чем больше голосов, тем больше туманов и огней, а там, не исключено, старые боги (которых они поминают намеками и шепотом из страха перед пастором конгрегационной церкви) явятся из глубин и из неведомого Кадата в ледяной пустыне и поселятся на облюбованной ими во зло скале вблизи милых холмов и долин, где живут простые тихие рыбаки. Они этого не желают, потому что обыкновенным людям не нужно того, что не из земли, да и Страшный Старик часто вспоминает, как Олни рассказывал о стуке в дверь, которого испугался одинокий хозяин дома, и о черной тени, заглядывавшей в чудные круглые окошки.

Но все это под силу разрешить лишь Старшим богам, а пока морской туман так же поднимается к вершине взмывшей в небо скалы, где стоит мрачный, с низкими карнизами дом, в котором никого не видать, но в котором вечерами горит свет в окнах, пока северный ветер рассказывает о странном тамошнем веселье. Белый, пушистый, он поднимается из глубины к своим братьям-облакам, грезящим о сырых пастбищах и пещерах Левиафана. Если сказок становится слишком много, тритоны в своих гротах и раковины в водорослевых городах трубят буйные песни, известные со времен Тех, Что Были Прежде, и тогда пары, нагруженные преданиями старины, во множестве поднимаются к небесам, а Кингспорт, беспокойно притаившийся на скалах пониже страшного каменного стража, видит лишь таинственную белую пелену над морем, словно край скалы на самом деле край земли, и слышит, как торжественные колокола бакенов всюду звонят в волшебном эфире.

Перевод: Людмила Володарская

2000 год